

Семинар 1

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

*А кое-кто по костям моим пройти
мечтает, бог его прости, со славою...*

М. Щербаков

Чернобыльская катастрофа или авария? Драма или трагедия? Жертвы науки, управления или советского (москальского) геноцида? Прошло двадцать лет. Сменилось поколение. Поколение — это сколько? Правильно ли мы помним то, что помним? Кто и что помогает нам забыть? Кто отвечает за «правильность»? А «гуманизм с человеческим лицом» — вы его видели? А вы?

Те же люди вокруг темы дня, месяца, года, эпохи... Вспоминающие, помнящие, непомнящие. Не слишком-то одни, другие и третьи любят друг друга. Конфликт поколений никуда не делся.

Семинар наш упрямо катится по дороге из желтого кирпича в постиндустриальный мир. Мы, сорокалетние, стоим на страже Перевала. Арба вспоминающих, запряженная прежней онтологией, тянет нас вниз с горы, обратно; мы на самом деле сами очень хотим туда: там наши отцы, наши принципы, наша мораль и наше компактифицированное знание, структура которого утеряна, и мы это понимаем не хуже «их», атомщиков времен Чернобыля, настоящих, советских. Индустриальная держава, которой нет равных, — вот настоящая мечта отцов. Мы по-прежнему всей страной проигрываем олимпийский хоккейный матч. И сетуем, что наша авиационка не в состоянии сделать этот окаянный «немецкий боб». Или у нас уже нет шпионов за технологиями? Так найдем японцев, что ли? Це, Боже ж мой! И даже Украина уже почти за холмом... Там, где начиналась когда-то Русская земля.

З. Бжезинский предупреждал мировых проектантов: Украина — точка сборки славянской идентичности. Только бы не возникла сборка России и Украины!

А по нам — только бы возникла и ширилась. Тогда прорвемся! Превратим Чернобыль в лабораторию, замкнем там все мыслимые и немыслимые «ядерные циклы», построим «Атомный университет» и выйдем на мировой рынок со своими реакторами — русской сборки или украинской сшивки. «Господь узнает своих». Куда там! «Оранжевисты» знают про американские деньги, и на дворе двадцать первый век — лозунгами народ не подбьешь на подвиги. А денег хватает только на водку. Как в старом анекдоте. Нам с Перевала видно, но мы, как те собаки: видим, да сказать, докричаться не можем.

По Его Величеству Большому Сюжету Чернобыльская катастрофа случилась на Украине. Она фактически сгубила Михаила Горбачева и весь его запал, а заодно и финансовый резерв, свела на нет ресурс развития... Однажды Горбачев «уговорил» съезд партии. Еще он сказал странам СНГ: «Идите и будьте свободными!» Ему не простили! Потом от рака умерла жена уже бывшего к тому времени реформатора. Что это? Мсть? Чья?

— У меня две головы! Я из Чернобыля! Ха-ха-ха!

— И что они носятся с этим Минспред? Звучит как Минвред!

— Волга впадает в Каспийское море. Сталин был диктатором.

— Конечно, Македонский — герой, но зачем же стулья ломать?

— Плутоний — это из фильма «Назад в будущее»: «У вас, в 1985 году, плутоний, наверное, продается в каждой аптеке, а у нас его ТРУДНО достать...»

— Атомную бомбу изобрели американцы.

— От них все зло. Тупые, как ихний Буш.

— Но сноубордисты и горнолыжники у американ классные. Нас сделали.

— А катастрофа? Ну да, знаю. Все облучились. Но все это было до моего рождения, а значит — не существенно.

«Титаник» затонул со сливками индустриального общества, и тут вскоре началась Первая мировая война, до ужаса неэстетичная, с применением оружия массового поражения, с четырехлетним «стоянием (в грязи) на Эне», с погибшими надеждами на Золотой век.

Про «Титаник» все смотрели фильм и плакали по молодым и красивым жизням, загубленным по цепочке ошибок, словно специально все сыграли нужные им роли: и конструкторы, и рулевые, и капитан.

Чернобыльский эксперимент не был показан в красивой мелодраме и остался темным пятном, исчезающим из памяти у молодых. Вместе с образом советской державы, который искажают сегодня все кому не лень. Да и сами мы, вправду сказать, интерпретируем события в угоду собственной сегодняшней аналитичности. Трудно признавать, что под влиянием идеологии иногда не жили и вовсе. Тоталитарный режим свободы не оставляет, и мы оказались достойными заложниками своих вождей и правителей. Это — не хорошо и не плохо. Это — факт такой исторический. Зомбификация прошла, но не на всех повлияла одинаково. Многие оказались устойчивыми. Написали про «Полдень. XXII век». Заметьте, не про XXI... Неужели так долго ждать?

Дети «оттепели» привыкли к клиповому, визуальному ряду. Они выросли уже в эпоху воинствующего потребления. Идеология сменилась на капиталологию оберток. Сущности, скрупулезно собираемые нами на книжных рынках, стали доступны, но потеряли актуальность вместе с рискованностью их добычи. Классическое образование советской школы пало. Мы это сами допустили. Теперь вот загораем на Перевале и думаем, как бы спасти индустриальное знание, чтобы к 2012 году не пришлось отстреливать собак по ночам и давать «тепло и свет» от угольной топки два раза в сутки. В феодализм не хочется. По некоторым сценариям — придется.

Мы стоим на Перевале, потому что дети счастливо уверовали, что, несмотря на бардак, все как-то образуется. Армяне, сидевшие два холодных года без света, утверждают, что не образуется...

Писатель Г. Медведев вроде бы поддерживает нас:

«— Реактор разрушен, Саша... Надо уводить людей с блока...»

— Реактор цел! Мы подадим в него воду! — запальчиво возразил Акимов. — Мы все правильно делали. Иди в медсанчасть, Валера, тебе плохо... Но ты перепутал, уверяю тебя... Это не реактор, это горят строения, конструкции. Их потушат...»

Любимое словечко детей: не парься!

Родителям хочется облечь это в другую конструкцию: не парься вблизи сложных систем, они мстят некомпетентным. Мы — зануды. Но нам нужно удержаться от безопасности во имя безопасности, и мы прилежно учимся у молодежи ее веселому пофигизму. Мы караулим границу. Умер К. Булычев, написавший «Перевал». Аркадий Стругацкий ушел раньше. Может быть, не хватило сил каждый день наблюдать, как блекнет образ Будущего, в котором хочется жить.

Сегодняшний студент, найдя на улице светящуюся штучку, вряд ли подумает, что «это радиоактивно»: никто не ждет беды. К легкому возбуждению вокруг института ГОИ в Санкт-Петербурге как-то попривыкли — да и кто его замечает? Там — фон. Все знают. И граниты у нас в Питере радиоактивные... Жители Припяти ходили по кускам графита и вопрошали: что же это такое? Откуда?... История обросла мифами и страшилками. Из нашего поколения те, кто не на Перевале, ставят детишкам защитные экраны на компьютерные мониторы, потому что радиация... и вопят о вреде мобильных... Это — жертвы рекламы и двоечники. Они учились в отличной школе и закончили вузы, в которых преподавались основы теории ошибок измерения, должны, по идее, знать, что такое «превышение точности». Но это люди, которые решают, как нам жить — со светом или без света. И армянский эксперимент с выключенной АЭС убедительно показал, что без света плохо. Но показал пока только армянам, увы...

Мы стоим на Перевале, и нам видны неясные очертания когнитивного мира: вот сноубордист взлетает в небо, и потешное выражение на его лице близко видно — японец или китаец? Города? Есть ли там города? Мировые ли? А АЭС? Где они на будущей карте? Там ли, где мы запланировали их в своем геополитическом снобизме последними усилиями существующего в воспоминаниях МИНСРЕДМАША? На Перевале дует. Нас ругают атомщики снизу. Непомнящие смеются откуда-то сверху, постоянно оставляя в воздухе «улыбки без кота». У них там, в «Магазинчике БО», продаются «приколы» на вес и «офигение» на час. Мы не хотим фигеть. Мы — корабль конвоя. Для нас Чернобыль был величайшим событием, разрывом истории, точкой бифуркации. Это событие образовало для нас Перевал, который называется теперь в прессе «постиндустриальным барьером». Мы даже не знаем пока, как спуститься по ту сторону, потому что не умеем летать на досках. И потом, вдруг они там, в Будущем, такие же плохие, как в фильме про крутых копов, где бьют самого Джеки Чана, который вроде из наших убеждений о справедливости... Хотя и китаец. Китайцы прилежно строят у себя Советский Союз. Счастливые люди, у них впереди «призрак коммунизма». А у нас впереди или светлое, или темное будущее — куда не очень хочется, с одной стороны, и неясно, как попасть, — с другой. Или откат с горки, сшибая отцов, к стаям собак и «новому Средневековью» с трехсотлетним собиранием пазла из знаний об индустриальном мире. Исламисты нас похвалят, они как раз наверху феодализма устроились, в долине нас ждут, чтоб на штыки поднять. На кой ляд им гости из чужого настоящего и будущего. У них пока хорошо с нефтью. А телевизор можно смотреть и при свечах, как сказал однажды Леонид Кучма, какой-никакой, а местный украинский политик, а не американский ставленник и не апельсиновый Шрек.

Наш семинар все ставит и ставит вопросы. Молодежь отвечает. Им интересно, что ж так расчувствовались взрослые. Чувства им важнее мыслей. А логикой они

играют. Теорию многих логик мы, помнящие, прилежно создаем на базе методологии, советской, медленно утекающей в философский пласт земли. «Ждет земля, теперь уже недолго, мы уходим, мы почти ушли», — напишет поэт Е. Лукин, он нынче за Гоголя, и на хуторах нет-нет да и всплеснется «Алая аура протопарторга». Юмор продлевает жизнь. Улыбка прошлому — минус один инфаркт. Кому как повезет... И все легче писать и искать иные логики — вдруг эти возьмут нас с собой за барьер, посадят в мешок, дадут новому всевышнему выкуп и перетащат, перемигиваясь, — родители все же, родная кровь...

По результатам первого такта игры юные провалили и тушение, и эвакуацию, но, по подсчетам Посредника, жертв оказалось меньше, чем в реальном Чернобыле. Они сделали другие ошибки, из другой онтологии. Чепуха какая-то. Они же все читали Медведева и знали досконально, что произошло и почему. Не хватило оргресурса. И знаний. Ваши действия? — роковой вопрос семинара. Здесь словами не отделаешься. Нужно принимать решение. Эти пятеро сменят нас на Перевале, если не взорвут его к черту, пытаясь потушить магниевую ракету в ведре с водой.

Может быть, возродить эпоху гувернерства? Гувернеры еще остались. Они помнят войну, Чернобыль и обладают той невероятной ясностью мышления, от которой берет оторопь. Школа учит заучивать факты, бессвязные и потому ненавистные ученикам. Трансляции идеологии не происходит. Бог изгнан и возвращается в лицемерных одеждах, а онтологии нет как нет. Остается летать с трамплина, чтобы с небес на секунду оторвать поддержку космоса и ощутить себя нужным не этому, так хотя бы тому миру. Все больше экстремальных видов спорта. Все меньше очарования в познании мира. Отдельные ощущения можно купить. А сущности и целостности вечно сначала предлагаются бесплатно, а потом от них страдаешь. «Многие знания — многие печали», — вещают нам молодые и смеются над нашими спорами.

Они пишут стихи на песке и не волнуются, что прочли их только двое обнимающихся да еще птицы на берегу. Ощущения важнее текстов. Мы вырастили гедонистическую элиту. Но если индустриальный колпак, который мы сваяли над их головами, рухнет, то это будет похуже Чернобыля. Вместе с элитой выросли обыватели, они же потребители, они же — немнящее большинство. Эти имеются во всех возрастах. Это — крысы. У них коллективный разум, примитивный, один на всех, но зато распределенный. Они паразитируют на всем. На чернобылях и разбившихся «шаттлах», на газе, нефти, олимпиадах, победах и поражениях. Они хотят все съесть, и чтоб все было так, как всегда. Мы спрятались от них на Перевале. Наши отцы отобьются или уйдут усталые в свой последний Путь... А вот дети?

Неужели мы так и оставим им два разных государства — Россию и Украину, и будут они искать в истории разных героев и вывешивать портреты — мол, наших больше? Или скажут, что Чернобыль не наш, а, мол, украинский он и мы не в ответе... И нечего тебе, Европа, нам на опасность пенять. Дипломатия, конечно, хоть куда. Да стратегия хромает...

Тут дети нас поддерживают. Им эта национальная политика как кость в горле. Лишь бы не про катастрофу, лучше про «оранжевую революцию», это весело. «Майдан пел и плясал, а потом Ющенко взял да и стал похож на Шрека. Это была молодежная и народная революция, — скажет юный украинец, — это был порыв изнутри». «Но за чужие деньги», — произнесет скептик. Московские озорные гуляки, поддерживая за бабосы то ту, то другую партию, часто не успевают переодеться и сменить флажки и атрибуты. Это никого не волнует. Раньше тоже платили за массовки. Только теперь «премьера каждый день». Семидесятилетние петербурженки идут подработать на выборы, уж тем более понятно, что внучок за 300 баксов попляшет на Майдане, поживет в палатке, потусуется, в общем. Распределенный разум распределяет роли, и опять становится не до того, что-

бы жить своей жизнью, и снова тоталитаризм с именем «демократия» и человеческим лицом. И все согласны, и не парятся, и покупают аэрогриль «Семь холмов», и читают про монстров и братков. И фильм «Ночной дозор» оказывается откровением. Фильм хороший, про преемственность истории, про добро и зло. Про ответственность и про ее «наоборотки». А «Бессильные мира сего» почему-то никто не берется снимать. Там, вишь, коллизии покруче. Действия поменьше, и визуальный ряд не строит, и клип не идет.

Они еще построятся в полки... А если не построятся?

«Если бы вашего Чернобыля не было, его стоило бы выдумать!» — считает юный муж. У него жена украинка. Ну так и что же! При современном космополитизме все нации хороши, а что правительства дурные, так то повальная болезнь. «Свобода взметнулась неистово», — сказал бы Сережа Есенин. Она, свобода, частично подняла нас над обломками собственных догматов, но при этом немного разъела полезное для цивилизации основание. Теперь ни от чего не зарекайся! Не только что от тюрьмы и сумы! А также от смены фазы развития на раз, два, три... Помнится, английские крестьяне не слишком весело пережили так называемый сгон с земли и строительство на этой самой земле мануфактур и фабрик. Грядет, неслышно ступая, всеобщая революция сознания, сколько ни давили ее в 60-х годах прошлого века американским истеблишментом и советским бюрократизмом, немецкой скрупулезностью и японской лояльностью. Падает башня из слоновой кости — границы государств становятся фрактальными. Мы не удержали своих детей и друзей на русской земле... они возвращаются посмотреть, как мы тут, и снова в Путь. Мобильность — едва ли не главная черта Будущего. Глобализация всячески приветствует унификацию населения всего мира до простых стандартов компетентности и лояльности. Даже маргиналов в Европе тщательно пересчитали и выдали им пособие как ищущим работу. Даже если они ее и не ищут совсем. Пока не совсем ясно, где ж нынешний Вавилон, в котором

грохнется первая башня, как первый спутник стартанул же давеча — в 1957 году.

Мы понимаем, что непомнящие согласились играть с нами потому, что мы раскланялись с их свободой. Мы их обманули. Мы вытащили козыри из рукавов. Они заметили и смолчали. Их держит интерес к атому как к неведомому. Разрыв между чудом техники и техникой чуда произошел. Они не могут представить себе, что им придется этим всем управлять. Атом содержит в себе тайну. Плутоний не делится на два, на хорошо и плохо, на важно и неважно. Он делится на много, и не знаешь, как все это вовремя прекратить. Как с этим можно управиться, утилизировать? Что в нем таки происходит, в этом реакторе? Приручи зверя. Он тебя и съест... То, что страшно и странно, то и притягательно. Те, кто отсиживается в зоне потребления, уже не будут молодыми. Воля к познанию требует не меньше ресурсов, чем воля к власти или воля к захвату собственности. Чтобы отнять что-то или управлять чем-то, не нужно знать, что там в объекте собственности или управления происходит. А вот с волей к познанию — куда хуже.

Что сказала жерло взорванного реактора физикам и лирикам, сунувшимся туда, чтоб удостовериться или по приказу от безмозглых управляющих? Может — не суйся?! Атомщик Ситников погиб! А может быть — не бойся?! Кто ж его, атом, знает?

Не стройте АЭС! Назад к природе! К Деве Анастасии! К Виссариону! К староверам! В никуда! Только не к освоению атома! Ну ее совсем, эту реакцию деления! Нельзя полностью подчинить себе, так и не создавайте! Тоже — умники! Или уже благословляйте реакторы на все свои деньги, а то Бог, известно, сторонник безопасности. Ох, только небезопасно вел себя при Понтии Пилате... Аж до смерти небезопасно. И люди вроде не стали добрее и лучше, так себе — катилась цивилизация и катилась. Докатилась до спутников и атомов и откатывается назад... Стало быть, некому спасать. Мы, конечно, как один, тут умрем в борьбе за индустриальный Пере-

вал, но молодежь понимает, что тогда она останется крайней, и тянет свои окуляры и манипуляторы к реакциям деления. Наблюдение — первая стадия обучения.

Игроки и их сверстники разделились. Одни хотят воздуха и природы, и поэтому, конечно, грязь, тем паче радиоактивная, им ни к чему. Их оппоненты побеждают, так как мечтают о новых сетях и спутниках для этих сетей, а лучше сетей из спутников, чтобы каждый последний бомж мог подключиться к Интернету и пообщаться с ее величеством тусней по интересам и высказать нечто эдакое в мировую паутину, а она уж заглотит, падла. Так что стройте, отцы! Любить вы не научились, отдыхать — тоже, менеджеры из вас — одни слезы, стройте, поклон вам. Стройте на века, а то мы не сильны в физике... Вот Казантип, это да! И в Чернобыле можно! Рак — это знак зодиака, и только... Мы попятимся. Вы — стройте.

У конструктора наших российских ракетных двигателей сын умер сорокалетним. Без Чернобыля. Ушел, оставив отца и мать задавать вопрос: за что? Конструктор работает до сих пор, болеет сердцем, пьет горькую и смотрит нам, ровесникам сына, вслед: «Вы ищите, может, что-нибудь обрящете — я любому варианту буду рад». Когда мы попадаем под статистику, нам не становится легче. Некоторое время чернобыльским взрывом объясняли все заболевания и смерти. Притаскивали за уши. Списывали... На. Это как на малолетнего хулигана вешают все школьные преступления и вдруг обнаруживают, что он уже как неделю переведен в другую школу... Варвары не прибыли... // И с государственных границ нам донесли // Что их и вовсе нет уже в природе... Что же делать?

Почему, интересно, часть людей, работавших в Чернобыле и не получивших разовой или распределенной дозы, вызывающей диагностируемую лучевую болезнь, после аварии погибла сразу или в течение двух лет, а другая часть до сих пор живет? Это от чего зависит — от количества набранных бэров или? То-то и оно... Случись какая

оказия — никто бы сейчас без принудилочки на аварию не поехал, хоть за пять окладов, хоть за десять. Жизнь дорожке. Рак не нужен. Хотя от пьянки по домам и пьяных рулей на дорогах гибнет больше, чем от террористов, раков и катастроф всех масштабов... И никто не ужасается, если сосед сыграл в ящик в 37 лет от беспробудного жития своего. Называется это «застойная бедность». А где эта бедность, в доме или в голове, — неважно. Но есть даже государственные мероприятия по борьбе с оной. А Чернобыль мы отмечаем как событие, ужаснувшее весь мир. Оно перекрыло «Титаник», но его перекрыл взрыв Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Тут атомщикам подфартило. Может, еще прорвемся под шумок борьбы с терроризмом на строительство всемирной сети АЭС с полным циклом, включающим и обезвреживание проплаченных агентов кого попало — тоже. Американцы вот построили в горе хранилище ОЯТ и РАО («Юкка-Маунтин»), и ничего, а у них там демократия раньше развилась, чем у нас, и бюрократия куда как изворотливее. Но построили... Японцы вообще не беспокоятся об утилизации, упаковывают намертво и ставят на месте бывшей АЭС парк культуры, стало быть, и отдыха. И сейсмоусловия им почему-то позволяют строить и строить свои АЭС. А то, что недавно какие-то умники тяжелую воду вскипятили и обварились, так у них и Хиросима была...

Вопрос: Господин Танигучи, не могли бы вы сказать еще несколько слов о состоянии ядерной энергетики в Японии и планах на будущее?

Ответ: Промышленная и технологическая база ядерной энергетики в Японии достаточно сильна, но, к сожалению, экономика растет довольно медленно, и, кроме того, благодаря японской энергоэффективности и мерам энергосбережения отпадает необходимость в расширении ядерной энергетики. Поэтому строительство новых объектов ядерной энергетики в Японии отложено на неопределенно долгий срок из-за отсутствия

дополнительного энергоспроса. А так ситуация с ядерной энергетикой в Японии достаточно благополучная, несмотря на небольшие аварии, общественное мнение тоже улучшается. Сейчас мы (наши промышленные лидеры) ищем рынки за рубежом (я об этом упоминал). Может быть, удастся развить сотрудничество с российской ядерной отраслью...

Вот так, друзья, и никаких вам зеленых, то есть зеленые у них, конечно, есть, но выступают по регламенту... А про немыслимое большинство Японии нам и вовсе ничего не известно. Вдруг его не существует вообще... Только эта страна пока открыто предъявила свои цели в XXI веке. Остальные, стало быть, решают проблемы индустриализации...

А Г. Медведев пишет, «чтобы весомо оценить масштабы радиоактивного выброса, вспомним, что атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, весила четыре с половиной тонны, то есть вес радиоактивных веществ, образовавшихся при взрыве, составил четыре с половиной тонны. Реактор же четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС вышвырнул в атмосферу пятьдесят тонн испарившегося топлива, создав колоссальный атмосферный резервуар долгоживущих радионуклидов (то есть десять хиросимских бомб без первичных факторов поражения плюс семьдесят тонн топлива и около семисот тонн радиоактивного реакторного графита, осевшего в районе аварийного энергоблока)».

— *Внимание, вопрос! Если одна атомная бомба «хиросимского типа» весит 45 тонн, то сколько экспериментальных воздушных, наземных и надводных атомных взрывов нужно произвести для того, чтобы выбросить в атмосферу количество радионуклидов, соответствующее чернобыльскому? Правильно, всего двадцать семь. Для тех, кто не понял, еще один вопрос: сколько таких взрывов было произведено великими державами между 1945 годом, когда это оружие было создано, и 1963 годом, когда вступил в действие Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах?*

— В одном Семипалатинске с 1949 по 1962 год было осуществлено 113 атмосферных ядерных взрывов, в том числе 25 наземных, сопровождающихся максимальным выбросом нуклидов. А были еще испытания в США, Великобритании, Франции, Китае... (всего 501 взрыв). И в основном речь шла не о «хиросимских» бомбах, а о термоядерных зарядах, в том числе «грязных». Например, пятидесятимега-тонная супербомба, взорванная 30 октября 1961 года над Новой Землей, весила 20 тонн, причем по радиологическому загрязнению взрыв ее не был рекордным (к этому и не стремились: заряд был подорван не у земли, а на высоте 4 км, и бомба была предельно «чистой» — 97% энергии создавалось реакцией синтеза) и не идет ни в какое сравнение с наземными испытаниями первых термоядерных зарядов («слоек») в 1953 году.

— Замечу, что в 1963 году, когда коллективная годовая доза облучения, связанного с ядерными испытаниями и выпадением радиоактивных осадков, была наибольшей, она составляла только семипроцентную прибавку к естественному фону, что, впрочем, довольно много.

— Поэтому испытания в трех средах и были запрещены, несмотря на все протесты военных, как наших, так и американских.

— Так или иначе, 120 тонн, не считая графита, — все равно «круто». И он продолжал излучать, потому что реакция деления не прекратилась... она прекратилась далеко не сразу...

И тут народ молодой и неграмотный, но быстро думающий, хотя бы потому, что мусора в голове мало, начинает сопоставлять... и по игре лить туда борную кислоту, но техника подводит, и не попадают они в реактор, но хотя бы не песок... Вот уж догадались! Смешно, когда Г. Медведев описывает так называемый мозговой штурм ответственной комиссии, заседающей в Припяти фактически прямо «у разбитого реактора». Слезы... Напоминает стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся». Вторая группа наших креативщиков читала Г. Медведева внимательно и расстреливает реактор, презрев временное так-

тическое заражение. Они выигрывают стратегию. В их сценарии вокруг реактора стало легче через две недели. Потом они убирают последствия своего взрыва военными проводными манипуляторами, «потому что никакая электроника в зоне таких полей, ясен пень, работать не будет». Эвакуацию они справили лучше «любителей химии». Бойцы!

Но это была затравка. Все это сто раз играли. Через 20 лет находится оптимальное решение не потому, что оно и раньше было, а потому что забылось, чего тогда не было... Это вход. В материал. Вторым тактом мы рисовали «мир без Чернобыля». То есть был Советский Союз и его система управления, а Чернобыль погрозил и на грани аварийного разгона все ж таки погас и остался цел, и долго комиссии стыдили, снимали и распекали руководителей, а в основном тех, кто не допустил аварии. И что же тогда — Сюжет о развале России? — куражилась молодежь... За Сюжет играла девушка, и за систему «Советский Союз» девушка, и спасти умирающий Голем не удалось, и сдавленным голосом веселая блондинка приказала назначить испытания, и дрогнула земля казахская от ядерного взрыва, и НАТО ввело войска, и Горбачев, подписавший парадные учения, не выдержал Сюжета и умер от разрыва сердца, потому что он хотел сделать России новый Путь, а нечаянно выбрал старый... Система «Советский Союз» достойно умерла, и память о всеобщем коллективном еще долго тянула людей назад, а американцы выиграли, и их города стали еще краше, а мы опять попали под иго, демократическое и заокеанское, и стали страной третьего мира, в котором Европа и Америка наведут порядки. В качестве конверсии мы поимели такой антропоток из «туда» в «оттуда», что мусульманская экспансия в Европу была «прижата к борту», то есть к границам Средиземного моря, и еле теплилась. Американе безжалостно грабили нашу страну, объявив нас должниками за то, что они сами обосновались на этой территории и охраняют ее якобы от собственного народа. Такая демагогия у них в чести: пусть страны выкупают у Америки то, что амери-

канцы оккупировали. Это выгодно. Все, что мы вам должны, мы вам простили.

Этот такт игры непомнящим не понравился... Пришлось выбрать аварию на АЭС и призрачную от радиации Припять и ехать дальше по волнам памяти. «Мертвец хватает живого», — процитировала та, что играла умирающей советский Голем.

Наше поколение убеждено, что он жив до сих пор и держит нас мертвой хваткой. Благодаря ему, впрочем, мы стоим на Перевале. Говорят, отцов нужно уважать, даже если они просто были... Молодежь видит Советский Союз как смесь комсомольских безалкогольных свадоб, коммуналок и одинаковых серых шмоток в магазинах. Он ассоциируется у них с деревней, в которую два раза в неделю кто-то на телеге привозит сахар, соль, спички и конфетки-подушечки. Это рассказали бабушки. При этом молодежь утверждает, что Буш не меньший придурок, чем советские министры, при которых случился Чернобыль. А есть еще Украина, которая так и не вышла в позицию взгляда на себя со стороны, и ее лидер...

Во времена Чернобыля не было разделения на российское и украинское горе...

У страны случился обширный инфаркт — Чернобыльская катастрофа, и страна от нее не оправилась, и вышли в XXI век ее своенравные дети и стали делить жилплощадь — вот и весь Сюжет. А вокруг старушка-Европа вдруг, наоборот, открыла двери всем родным и двоюродным, да еще кинулась усыновлять иноверцев без разбору, поистине чудес натворила, и только Япония и Англия соблюдали традиции своих семей и не лезли с ними в мир. Америка выстроила огромный интернат и завела там конкуренцию и лояльность одновременно. Вышло забавно. Учиться не учились, но альма-матер ценили на весь мир. Мусульман всяких за людей долго не считали и индийцев тоже. А зря... Выполз Китай, подобрал российский социалистический опыт и примерил на свою китайскую ментальность. Легло как родное.

Что вы можете сказать про Советский Союз, молодой человек?

«О, это эпоха Сталина, где все было плохо, одних репрессированных 20 миллионов». Вы автоматически поправите его, абитуриента вуза каких-то точных наук, что 20 миллионов погибло в войне.

А что вы знаете про Чернобыльскую катастрофу?

«Ну, понятно, АЭС грохнулась, радиация там, зайцы с двумя головами, словом, экология сломалась».

«Моя лошадь сломалась», — скажет герой фильма «Назад в будущее», объясняя туземцам свое странное появление в прошлом.

Как ни играй, все равно пулемет получается... Карфаген должен быть разрушен по Сюжету, в котором победы сменялись разгромами. Во всех сценарных развилках и при всех точках бифуркации событий за двадцать семинаров упадет именно Украина, и катастрофа случится здесь, аварию на Сосновоборской АЭС усилиями сомнительного индустриального знания нашей слегка подкованной молодежи приходится предотвратить, и северная цивилизация продолжает плыть вперед на ладье своего питерского снобизма и подмигивая прочим хельсинкам: «Православный глянь-ка с берега народ — мимо русский Ванька по морю плывет!»

Питер не взяли даже военной блокадой, неужто какой-то Сюжет сделает мертвыми от радиации его мостовые? У нас и так граниты... Когда сражались за Царя и за Отечество, то Бог ее знает, историю, может, именно за царя Петра. Киев в последнюю большую войну был взят, и был образован Киевский «котел». Сталину не удалось отстоять город. И поэтому сегодня вянет миф о столице славянской идентичности в Киеве.

«Какая прелесть Припять! — отзывается Писатель. — Сюда стремились и приезжали на постоянное место жительства многие отставники. Порою с большим трудом, через правительственные учреждения и даже суд, добивались права жить в этом райском уголке, сочетающем в себе прекрасную природу и удачные градостроительные находки. Совсем недавно, 25 марта 1986 года, я приезжал в Припять с проверкой хода работ на стро-

ящемся 5-м энергоблоке Чернобыльской АЭС. Все та же свежесть чистого пьянящего воздуха, все те же тишина и уют, теперь уже не поселка, а города с пятидесяти тысячным населением...»

Через двадцать лет вокруг сожженного рая вырос новый лес, и осторожно представительная комиссия признала, что лес настоящий, и в нем радиации нет как нет. Теперь, конечно, «зеленые» раскричались: «Не верим!!! Все врете, чтоб...» А чтоб что? Заминка тут... Кому это все-таки выгодно, чтобы рана, даже зажившая, болела или садни-ла, чтоб неповадно, и поклоны до земли восемь поколений? Или чтоб дали денег и опять на пропаганду потратить... Антипиар куда проще пиара, ругать легче, чем оценить, разрушить легче, чем строить, критиковать легче, чем делать, а принимать решение сложнее, чем усомниться в нем и увясть. Положить под сукно и отдать на рассмотрение высоких комиссий.

Молодежь в игре оправдала Голем, то есть советскую систему управления верхнего звена, и не согласилась с Писателем. Он почти гневно воскликнул:

«Дело в том, что в случае полного обесточивания оборудования атомной станции, что может произойти в процессе работы, останавливаются все механизмы, в том числе и насосы, прокачивающие охлаждающую воду через активную зону атомного реактора. В результате происходит расплавление активной зоны, что равносильно предельной ядерной аварии. В Госатомэнергонадзоре собрался довольно грамотный и опытный народ во главе с председателем Комитета Е. В. Куловым, опытным физиком-ядерщиком, долгое время до того работавшим на атомных реакторах Минсредмаша. Но, как ни странно, и Кулов оставил без внимания сырую программу испытаний из Чернобыля. Почему, спрашивается?»

Здесь был дан спокойный анализ управленческих сбоев, потому что наши молодые менеджеры такие сбои видели, а вот предохраняться от таких фокусов системы пока никто не научился. Все, даже самые компетентные, участники игры заявили, что на посту Кулова они бы испытания

разрешили, потому что не разрешать у них не было оснований: испытания такие проводились, отчеты по ним есть, испытания стандартные. Где же подвох? Никакого подвоха нет. Сюжет стал подтасовывать карты исполнителям на месте, и количество совокупных ошибок превысило терпение атома. Он чихнул смертельными выбросами: не равнато ли вам, ребятаки, лезть в неуправляемые системы, коль и с управляемыми у вас затык? Хаос требует особого порядка, с одной стороны, и признания наличия случайностей и рисков — с другой.

А системам безопасности мы посвятим потом и семинар, и игру и с горечью выведем, что Чернобыльская АЭС была снабжена этой системой с избытком. Значит, дело не в этом? Значит, сколько ни считай вариантов, найдется такая комбинация человеческих существ, которые обязательно в каждом случае примут самое что ни на есть идиотское решение, и катастрофа произойдет, и они уже ничему не научатся, а потом долго еще совершенно неповинные в их идиотизме люди будут погибать или страдать от хитрых заболеваний века?

Сегодня рассекретили данные о том, что смертность в контрольной группе выше, чем в группе работающих на ликвидации аварии. Прошло 20 лет. Это не к тому, что радиация полезна. Это к тому, что мало знаем про атом, а с исследованиями — вилы. Грустный Станислав Лем написал, что сын его, закончивший Принстон, в родной Польше разве что сачком сможет нейроны ловить. Престиж славянской науки упал, а Россия отпустила физиков в далекие страны. Пока делила власть и собственность. Тоже понятно. Познание провисло и стало осыпаться. Методология теплится в Московском методологическом кружке. Он сужается: сорокалетние уходят на Перевал, а семидесятилетние устраивают дуэли в честь стремительно увядающей леди Истины. Они скоро уйдут, а мы не успеем записать за ними алгоритм создания онтологии на песке.

У нас есть цель: отрефлексировать огромный гипертекст знаний и представлений о Чернобыльской катастро-